

ШКОЛЬНАЯ

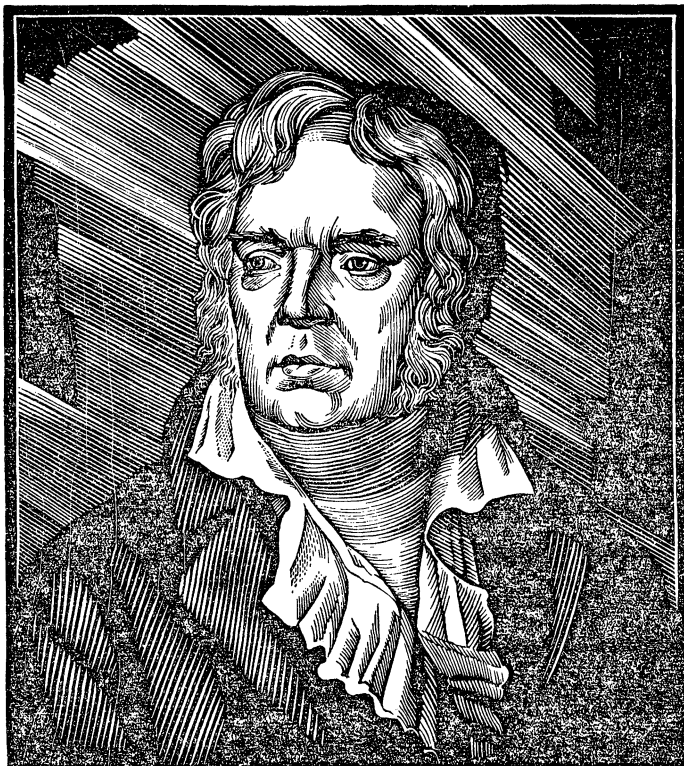
БИБЛИОТЕКА

И. А. КРЫЛОВ

БАСНИ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

M. Lybaver

1769—1844

И. А. КРЫЛОВ

БАСНИ

РИСУНКИ А. ЛАПТЕВА

Москва
«Детская литература»
1989

ББК 84Р1
К85

ТЕКСТ ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ИЗДАНИЮ:
КРЫЛОВ И. А. БАСНИ.
М.— Л., ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР, 1956.

АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ
ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ

ПЕРЕИЗДАНИЕ

К85 Крылов И. А. Басни/Автор предисл. И. Ильин-
ский; Худож. А. Лаптев.— Переизд.— М.: Дет.
лит., 1989.— 112 с.: ил.— (Школьная библиотека).
ISBN 5—08—000909—8
Книга избранных басен великого русского баснописца.

К $\frac{4803010101-327}{M101(03)-89}$ 104—89

ББК 84Р1

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ И ЕГО БАСНИ

Образ дедушки Крылова возникает уже в детском воображении, еще не вполне осознанный, но бесконечно близкий и родной, чем-то напоминающий рождественского Деда Мороза. Он неожиданно появляется где-то рядом с чудесными сказками и первыми художественными впечатлениями детства. В ту пору мы даже и не задумываемся над тем, кто он — писатель ли, драматург, баснописец... Сами по себе вошли в нашу жизнь крыловские умные звери с их вполне человеческими мыслями, поступками, рассуждениями. В своем просторном халате, а может быть, в причудливой мантии, в окружении своих удивительных героев Крылов невольно смыкается с волшебным миром народной сказки, столь богатой самыми «необыкновенными» превращениями.

И. А. Крылов (1769—1844) родился в Москве, в семье бедного дворянина, а после смерти отца, который оставил ему в наследство солдатский сундучок с книгами, жил со своей матерью в глубокой нищете. Мать ходила читать псалтырь по покойникам в богатые дворянские и купеческие дома, а будущий баснописец начал служить «подканцеляристом» в одном из казенных учреждений. Рано познакомился он с судейским произволом, крючкотворством, ябедой, взяточничеством, и вся эта затхлая и унижительная атмосфера человеческого бесправия, безусловно, произвела на мальчика громадное впечатление, которое в дальнейшем послужило основой для всего его сатирического творчества.

Жизнь Крылова в детстве сложилась так, что ему не пришлось даже учиться в школе. Но стремление к образованию у него было настолько сильным, что он самоучкой овладел языками, математикой и стал высокообразованным для своего времени человеком.

Уже в юности Крылов написал несколько комедий для театра, но ни одна из них не была исполнена на сцене. Вскоре он начинает сотрудничать в журналах «Лекарство от скуки и забот» и «Утренние часы» и там в 1788 году публикует первые свои басни. На следующий

год он уже сам издает сатирический журнал «Почта духов», где в выдуманной им переписке волшебников, фантастических духов — гномов, силфов, ондинов, невидимо живущих среди людей, — появляются сатирические образы екатерининской эпохи: пышные вельможи, живоглоты-чиновники и судьи-крючкотворы. Но сатирический журнал «Зритель», в котором писатель особенно смело обличал самодержавный и помещичий произвол («Каиб», «Похвальная речь в память моему дедушке»), вскоре закрывается императрицей. И как любимейший род сатирического оружия им избирается басня. Начиная с 1805 года Крылов входит в большую литературу как создатель русской классической басни.

Он понимает, что к басне труднее придаться, она сама кусает, а ее-то не укусишь, за аллегориями можно порой надежно укрыться. А звериные маски, благодаря таланту баснописца, не ограничены устойчивыми традиционными характеристиками (осел — глупость, лиса — хитрость, заяц — трусость), но претворяются в более сложные, живые, бытующие характеры, родственные, по существу, человеческим. Интересы, навыки, привычки, выражения басенных персонажей близки и понятны самому широкому читателю. Из народного языка, из поговорок и пословиц черпал писатель многие свои сюжеты и мысли. По свидетельству одного из современников, он уже в детстве «посещал с особенным удовольствием народные сборища, торговые площади, качели и кулачные бои, где толкался между пестрою толпою, прислушиваясь с жадностью к речам простолюдинов...»¹

Гуща жизни, живое ее кипение увлекали Крылова. Все творчество баснописца прочно и глубоко было связано с жизнью народа, служило его интересам, его правде. Крылов не только много знал о народе, но как бы проник в тайны мышления народного. «Это наша крепкая русская голова, — сказал Гоголь, — тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек...»²

Наблюдения, представления, мысли народа, весь его многовековой житейский опыт воплотился мастерством писателя в предельно лаконическую форму басенной морали: «У сильного всегда бессильный виноват», «Беда, коль пироги начнет печи сапожник...», «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку», «Что сходит с рук вору, за то воришек бьют» и т. д.

Народность крыловской басни — органическая и истинная. Вспомните, к примеру, басни: «Крестьянин и Овца», «Демьянова уха»,

¹ «Северная пчела». — 1846. — № 292.

² Гоголь Н. В. Собр. соч. В 6-ти т. — Т. 6. — М.: Гослитиздат, 1959. — С. 184.

«Волк и Кот», «Слон и Моська», «Кот и Повар», «Три Мужика». Словно бы сама старая Русь с ее обычаями, нравами, характерами оживает в созданиях Крылова. Даже те басни, сюжеты которых он позаимствовал у французского писателя Лафонтена, силой его могучего таланта стали такими неподражаемо русскими, органично крыловскими, что отдавать их Лафонтену нам никак не хочется. Гоголь писал о Крылове, что «всюду у него Русь и пахнет Русью» и что басни его — «книга мудрости самого народа»¹. Историк М. А. Погодин как бы добавлял к этому: «Как все по-русски — чудо! И медведь Крылова, — видно, что земляк, русский»².

Иногда задумываешься. А что, если бы в баснях шла речь только о животных, что, если бы персонажи и «мыслили» по-звериному и не было в них человеческих черт, что, если бы басни превратились в рассказы о зверях? Или, напротив, действовали бы в них только люди. Перед зеркалом вертелась какая-нибудь барышня-франтиха, а не обезьяна, и квартет устраивали не «проказница Мартышка, Осел, Козел да косолапый Мишка», а реальные и достоверные дворяне, купцы, чиновники? Пожалуй, все бы и пропало. Ведь «душа» крыловской басни в этом органическом синтезе человеческого и звериного, соединении тонком, тактичном и потому никак не оскорбительном. Сохранив «звериное» обличье, басенные герои стали одновременно и носителями таких общечеловеческих пороков, как лесть, зависть, жадность, угодничество, лень. Иногда же они судят о событиях мудро и справедливо, и тогда они не глупее людей. Сообразуясь с природными нравами и повадками животных, Крылов наделяет их вполне человеческими поступками и мыслями. Пчелы и Муравьи почти всегда трудолюбивы, скромны и наблюдательны. Хитрая плутовка и лицемерка Лиса выступает в басне как криводушный судья-взяточник или лстивый царедворец, а хищный, жадный, глуповатый Волк олицетворяет бюрократа-чиновника, хапугу и грабителя. Уже одно только присутствие этих людских качеств в звере и «звериных» в человеке рождает восхитительный крыловский юмор, такой непосредственный, лукавый и добрый.

Человек и зверь живут у писателя в одном прекрасном мире сказки, разговаривают они на одном языке, великолепно понимают друг друга, по-одинаковому они «думают», хитрят, обманывают, вызывая наше негодование, сочувствие, жалость, смех.

И животные и люди в баснях Крылова сказочны, но, как в подлинной, настоящей сказке, они в то же время достоверны. Их заниматель-

¹ Гоголь Н. В. Собр. соч. — Т. 6. — С. 185.

² Крылов И. А. Рекомендательный указатель литературы и материалы для библиотек. — М., 1944. — С. 38.

ное существование — приключения, конфликты, столкновения при всей сказочности абсолютно правдоподобны, вполне вероятны. Весь животный, растительный и вещный мир оживает в крыловских баснях. Так великолепно он живописует и облакает в живую плоть фантазию, что «даже сам горшок» у него, по выражению Гоголя, «поворачивается как живой»¹.

Как автор и рассказчик своих басен Крылов так задушевен и, казалось бы, прост, так непосредственно и вместе с тем лукаво проникает в самое сердце читателя, что становится ему близким и родным. Его простодушие, ясность мысли, некоторая наивность, в которые он облакал и свои басни, породили несколько упрощенное представление о нем как о личности. За Крыловым прочно утвердилось репутация чудака и ленивца. Все знают забавный анекдот о баснописце, записанный Пушкиным: «У Крылова над диваном, где он обыкновенно сживал, висела большая картина в тяжелой раме. Кто-то ему дал заметить, что гвоздь, на который она была повешена, непрочен и что картина когда-нибудь может сорваться и убить его. «Нет,— отвечал Крылов,— угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову»². Такая, казалось бы, чрезмерная невозмутимость и инертность предстают в несколько ином свете, когда узнаешь, что 14 декабря 1825 года, в день восстания декабристов, в самый разгар событий, писатель находился на Сенатской площади. Известно также, что, изучив главные европейские языки, Крылов, по словам Пушкина, «как Альфиери, пятидесяти лет выучился древнему греческому»³ и затем читал в подлиннике греческих классиков.

Во многих баснях свое «простодушие» Крылов, когда это было необходимо, очень умно использовал. Поэт П. А. Вяземский тонко подмечал: «Крылов был вовсе не беззаботливый, рассеянный и до ребячества простосердечный Лафонтен, каким слывет он у нас... но во всем и всегда был он, что называется, себе на уме. И прекрасно делал, потому что он был чрезвычайно умен... Здесь и мог он вполне быть себе на уме; здесь мог он многое говорить, не проговариваясь; мог, под личиною зверя, касаться вопросов, обстоятельств, личностей, до которых, может быть, не хватило бы духа у него прямо доходить»⁴.

Под масками львов, орлов, медведей современники легко угадывали неправедных судей, лукавых и лживых царедворцев, именитых

¹ Гоголь Н. В. Собр. соч.— Т. 6.— С. 185.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т.— Т. VIII.— АН СССР. М.— Л., 1949.— С. 107.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.— Т. VII.— С. 31.

⁴ Вяземский П. А. Полн. собр. соч.— Т. I.— Спб., 1878.— С. 162—164.

сановников, а порой даже самого царя. Не случайно так ополчился на басню персонаж грибоедовской комедии «Горе от ума» Загорецкий — плут, подхалим и политический доносчик:

А если б, между нами,
 Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
 Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

Так же отнесся к некоторым басням Крылова и Цензурный комитет: басни «Пестрые овцы», «Рыбьи пляски» (1-я ред.), «Вельможа», «Пир» за смелые политические намеки были запрещены и распространялись в рукописных списках. Вот пример, когда «простосердечная», добродушная и мудрая позиция баснописца оказывается не менее воздействующей, разоблачительной и впечатляющей, чем злобная, протестующая, саркастически-язвительная. Форма и манера, выбранная Крыловым, не мешает многим его басням быть, по существу, социальными памфлетами.

Я не могу не сказать, как многолетний исполнитель Крылова, что чрезмерная нагрузка басен ядом и желчью, так сказать, бичующая манера чтения, воздействует на слушателей меньше, чем мудрая, философски добродушная, неотразимо спокойная интонация. В то же время, например, Салтыков-Щедрин или Маяковский обязывают к обличительной манере исполнения, полной сарказма, гражданского гнева и язвительной иронии. Хочется также добавить, если уж я начал говорить об исполнении, что верным Крылову надо быть и в сочетании звериного и человеческого. Часто можно увлечься показом и изображением животных, и уйдет человеческая психология, а вместе с ней подчас и философский смысл басни. И наоборот, если показывать и изображать только людей, да еще не очень ярких, непохожих на действующих в басне зверей, в свою очередь, уйдет или, во всяком случае, поблекнет все неповторимое своеобразие крыловской басни.

С некоторой горечью думаешь о том, что Крылова знают и любят с детства, а в более зрелые годы так и остаются с детскими о нем впечатлениями. В самом деле, если хочется перечитать классику, то с наслаждением обращаются к Толстому, Пушкину, Гоголю, Достоевскому, Лермонтову, Чехову и многим другим нашим писателям, прежде чем придет желание вернуться к Крылову. «Да стоит ли? — думает читатель. — Ведь я хорошо помню и «Квартет», и «Лжеца», и «Кота и Повара». Все эти басни крепко засели в голове с детства. Так стоит ли перечитывать?» Стоит, и очень стоит.

Басни Крылова, как всякое истинно художественное произведение, обладают чудодейственной силой. Они заключают в себе мудрые, неизблемые истины, почерпнутые художником из «моря житейского». Именно поэтому басни обретают необычайную сюжетную гибкость и являются перед читателем каждый раз со свежим, неожиданным подчас содержанием и смыслом, в разные эпохи обретая новое рождение. «Да они как будто сегодня написаны, они актуальны!» — говорили мне иной раз и слушатели и читатели, у которых крыловские басни рождали живые и современные ассоциации, аналогии. Во всяком случае, работы для фантазии басни дают вдоволь. И художественное впечатление, прошедшее через собственную фантазию, становится дорогим для человека и безмерно обогащает его, незаметно делая художником, сотворцом прочитанного.

Написаны басни Крылова замечательным русским языком, теми легкими, незатейливыми разговорными стихами, которые сродни грибоедовским строкам «Горя от ума», пушкинским «Домику в Коломне» или «Гусару» и так и просятся быть произнесенными вслух, стать живыми, кажутся рожденными сию минуту в простой, непринужденной беседе. И названия крыловских басен, и отдельные строфы, и герои остаются в памяти, воспринимаются как народные поговорки, пословицы, крылатые слова: «Тришкин кафтан», «А Васька слушает да ест», «Демьянова уха», «А ларчик просто открывался» и много, много других.

Прошло более полутора веков, как басни Крылова полюбились русскому сердцу, и, надо прямо сказать, пока он никем не превзойден. Настолько могуч талант баснописца, что никто и не решался вторгнуться в его владения. В русской литературе после И. А. Крылова, пожалуй, не было ни одного равного ему баснописца. Можно, конечно, назвать иронические, пародийные басни А. К. Толстого и бр. Жемчужниковых (Козьма Прутков), революционные басни Демьяна Бедного — и все. В последние годы советский поэт Сергей Михалков возродил басенный жанр, нашел свой, интересный стиль современной басни.

И все же дедушка Крылов по-прежнему безраздельно царствует над басенным миром.

Игорь Ильинский

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лезть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр,— Лисицу сыр пленил.

Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
 «Голубушка, как хороша!
 Ну что за шейка, что за глазки!
 Рассказывать, так, право, сказки!
 Какие перышки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,
 Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещунья¹ с похвал вскружилась голова,
 От радости в зобу дыханье сперло,—
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

¹ Вещунья — предсказательница. В народных легендах и сказках ворон, ворона изображаются как вещие птицы.

ЛАРЧИК

Случается нередко нам
И труд, и мудрость видеть там,
Где сто́ит только догадаться
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,
Так; он и без замка́;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».

Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.
Потел, потел; но наконец устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное Зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высóко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну Ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

ВОЛК И ЯГНЕНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву». —
«Когда светлейший¹ Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От светлости его шагов я на сто пью;

¹ Светлѣйшій — в царской России почетное обращение к князю.

И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне еще и от роду нет году», —
Ягненок говорит. «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите
И если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». —
Сказал и в темный лес Ягненка поволок.

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:

Она завистлива была.

И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?» —
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!» —
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?

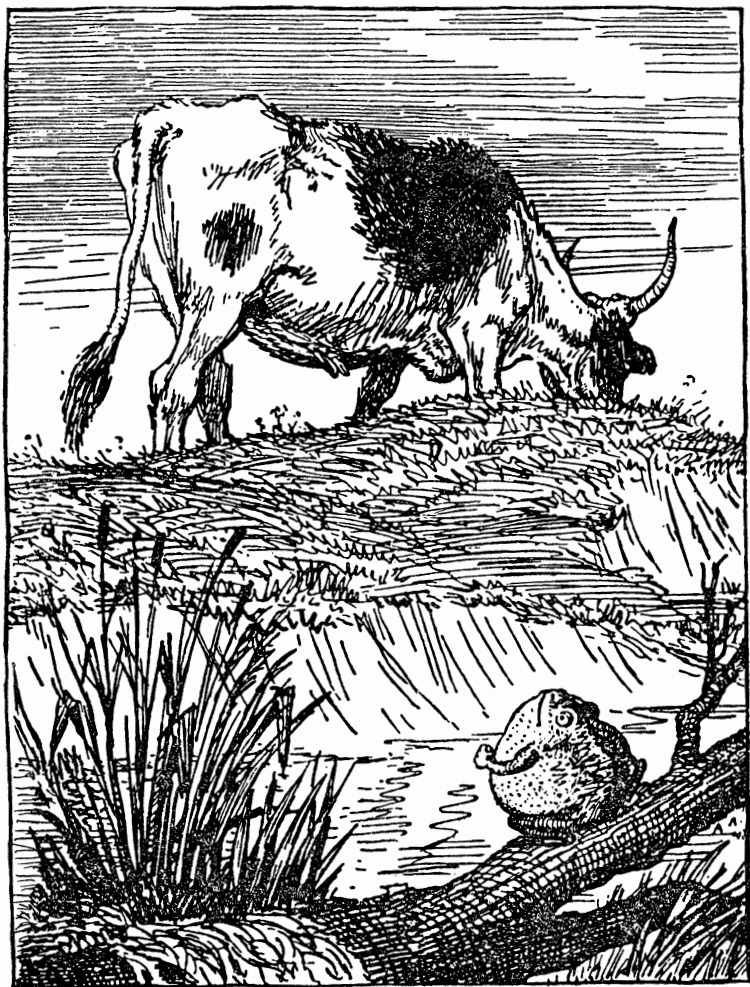
Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего». —
«Ну, как теперь?» — «Все то ж». Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,

Что, не сравнявшись с Волом,
С натуги лопнула и — околела.

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин?

Б Е Л К А

В деревне, в праздник, под окном
Помещичьих хором,
Народ толпился,
На Белку в колесе зевал он и дивился.
Вблизи с березы ей дивился тоже Дрозд:
Так бегала она, что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвост.
«Землячка старая,— спросил тут Дрозд,— нельзя ли
Сказать, что делаешь ты здесь?» —
«Ох, милый друг! Тружусь день весь:
Я по делам гонцом у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни есть,
Ни даже духу перевести». —
И Белка в колесе бежать пустилась снова.
«Да,— улетаю, Дрозд сказал,— то ясно мне,
Что ты бежишь, а всё на том же ты окне».

Посмотришь на дельца иного:
Хлопочет, мечется, ему дивятся все:
Он, кажется, из кожи рвется,
Да только все вперед не подается,
Как Белка в колесе.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА¹

У кухни под окном
На солнышке Полкан с Барбосом, лежа, грелись.
Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом;
Но как они уж понаелись —
И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днем, —
Так рассуждать они пустились вдвоем
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О худе, о добре и, наконец, о дружбе.
«Что может, — говорит Полкан, — приятней быть,
Как с другом сердце к сердцу жить;
Во всем оказывать взаимную услугу;
Не спать без друга и не съесть,
Стоять горой за дружню шерсть

¹ В басне отразились события после войны с Наполеоном: Венский конгресс 1814 года, на котором разногласия и споры чуть снова не привели к войне между союзниками.

И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучшить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить, позабавить
И в дружном счастье все свое блаженство ставить!
Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась:
Скажу я смело,
Мы б и не видели, как время бы летело». —
«А что же? это дело! —
Барбос отвечает ему. —
Давно, Полканушка, мне больно самому,
Что, бывши одного двора с тобой собаки,
Мы дня не проживем без драки;
И из чего? Спасибо господам:
Ни голодно, ни тесно нам!
Притом же, право, стыдно:
Пес дружества слывет примером с давних дней,
А дружбы между псов, как будто меж людей,
Почти совсем не видно». —
«Явим же в ней пример мы в наши времена! —
Вскричал Полкан, — дай лапу!» — «Вот она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну целоваться;
Не знают с радости, к кому и приравняться:
«Орест мой!» — «Мой Пилад!»¹
Прочь свары², зависть, злость!
Тут повар, на беду, из кухни кинул кость.
Вот новые друзья к ней взапуски несутся:
Где делся и совет, и лад?
С Пиладом мой Орест грызутся —

¹ Орест и Пилад — легендарные герои Древней Греции, прославившиеся своей крепкой дружбой.

² Свара — ссора, перебранка.

Лишь только клочья вверх летят:
Насилу наконец их разлили водою.

Свет полон дружбою такою.
Про нынешних друзей лъзя¹ молвить, не греша,
Что в дружбе все они едва ль не одинаки:
Послушать, кажется, одна у них душа,—
А только кинь им кость, так что твои собаки!

¹ Л ъ з я — можно (старинное русское слово).

ЛЕВ НА ЛОВЛЕ

Собака, Лев да Волк с Лисой
В соседстве как-то жили,
И вот какой
Между собой
Они завет все положили:
Чтоб им зверей съобща ловить,
И что наловится, все поровну делить.
Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала
Лиса оленя поимала
И шлет к товарищам послов,
Чтоб шли делить счастливый лов:
Добыча, право, недурная!
Пришли, пришел и Лев; он, когти разминая
И озираючи товарищей кругом,
Дележ располагает
И говорит: «Мы, братцы, вчетвером.—
И начетверо он оленя раздирает.—
Теперь давай делить! Смотрите же, друзья:

Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет».

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
 Попал на псарню.
 Поднялся вдруг весь псарный двор —
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку.
 Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!» —
 И вмиг ворота на запор;
 В минуту псарня стала адом.
 Бегут: иной с дубьем,
 Иной с ружьем.
«Огня! — кричат, — огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
 Зубами щелкая и оцетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
 Но, видя то, что тут не перед стадом
 И что приходит наконец
 Ему расчесться за овец,
 Пустился мой хитрец
 В переговоры

И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосед,—
Тут Ловчий¹ перервал в ответ: —
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

¹ Л ó в ч и й — охотник, который управлял у помещика охотой с собаками. Здесь под ловчим подразумевается великий русский полководец М. И. Кутузов. В о л к — Наполеон, который, вступив в 1812 году в Москву, скоро понял, что проиграл войну, и запросил мира. Крылов написал эту басню в 1812 году и послал ее в армию Кутузову.

КАМЕНЬ И ЧЕРВЯК

«Как расшумелся здесь! Какой невежа! —
Про дождик говорит на ниве Камень, лежа. —
А рады все ему, пожалуй — посмотри!

И ждали так, как гостя дорогого,
А что же сделал он такого?

Всего-то шел часа два-три.

Пускай же обо мне расспросят!

Так я уж веки здесь: тих, скромн завсегда,
Лежу смирихонько, куда меня ни бросят,
А не слышал себе спасибо никогда.

Недаром, право, свет поносят:

В нем справедливости не вижу я никак». —

«Молчи! — сказал ему Червяк. —

Сей дождик, как его ни кратко было время,
Лишенную засухой сил

Обильно ниву напоил,

И земледельца он надежду оживил;

А ты на ниве сей пустое только бремя».

Так хвалится иной, что служит сорок лет:

А проку в нем, как в этом Камне, нет.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕИ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милый!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —

«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах¹ у нас
Песни, резвость всякий час,
Так что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

¹ М у р а в á — трава.

Л Ж Е Ц

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,

Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилыгал.

«Нет,— говорит,— что́ я видал,
Того уж не увижу боле.

Что здесь у вас за край?

То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.

Вот там-то прямо рай!

И вспомнишь, так душе отрада!

Ни шуб, ни свеч совсем не надо:

Не знаешь век, что́ есть ночная тень,
И круглый божий год все видишь майский день.

Никто там ни садит, ни сеет:

А если б посмотрел, что там растет и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:

Ах, мой творец!

И по сию не вспомнюсь пору!

Поверишь ли? ну, право, был он с гору». —

«Что за диковина, — приятель отвечал, —

На свете чудеса рассеяны повсюду;

Да не везде их всякий примечал.

Мы сами вот теперь подходим к чуду,

Какого ты нигде, конечно, не встречал,

И я в том спорить буду.

Вон, видишь ли через реку тот мост,

Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,

А свойство чудное имеет:

Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет;

До половины не дойдет —

Провалится и в воду упадет;

Но кто не лжет,

Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете». —

«А какова у вас река?» —

«Да не мелка.

Так видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!

Хоть римский огурец велик, нет спору в том,

Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нем?» —

«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом». —

«Поверить трудно!

Однако ж как ни чудно,

А все чудён и мост, по коем мы пойдем,

Что он Лжеца никак не подымает;

И нынешней еще весной

С него обрушились (весь город это знает)

Два журналиста да портной.

Бесспорно, огурец и с дом величиной

Диковинка, коль это справедливо». —

«Ну, не такое еще диво;

Ведь надо знать, как вещи есть:

Не думай, что везде по-нашему хоромы;

Что там за дóмы:

В один двоим за нужду влезть,
И то ни стать, ни сесть!» —
«Пусть так, но все признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.
Однако ж мост-ат наш каков,
Что Лгун не сделает на нем пяти шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец...» —
«Послушай-ка, — тут перервал мой Лжец: —
Чем на мост нам идти, поищем лучше броду».

ЩУКА И КОТ¹

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,—
И дело не пойдет на лад,
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело все погубит
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.

¹ Поводом к написанию басни послужил промах командующего русской армией адмирала Чичагова, допустившего переправу части войск отступавшей армии Наполсона через реку Березину.

Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?

Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту
Мышей в анбаре половить.

«Да полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? —
Стал Щуке Васька говорить: —
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,

Что дело мастера боится». —

«И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей». —

«Так в добрый час, пойдем!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,

И кумушку проведать он идет:

А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот,
И крысы хвост у ней отъели.

Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум за́мертво стащил ее обратно в пруд.

И дельно! Это, Щука,

Тебе наука:

Вперед умнее быть

И за мышами не ходить.

С И Н И Ц А

Синица на́ море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой¹ столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик², и самый тароватый³,
Не давал секретарям.

¹ Нептун — у древних римлян бог моря; Нептунова столица — море.

² Откупщик — богатый купец, откупавший у правительства право торговать водкой, табаком и т. п.

³ Тароватый — щедрый.

Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;

Лишь изредка иной шепнет:

«Вот закипит, вот тотчас загорится!»

Не тут-то: море не горит.

Кипит ли хоть? — и не кипит.

И чем же кончились затеи величавы?

Синица со стыдом всвояси уплыла;

Наделала Синица славы,

А моря не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:

Что делом, не сведя конца,

Не надобно хвалиться.

ДВЕ БОЧКИ

Две бочки ехали: одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая — себе без шуму и шажком
Плетется,
Другая вскачь несется;
От ней по мостовой и стукотня, и гром,
И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей от страху жметя,
Ее заслышавши издаleká.
Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой, велика.

Кто про свои дела кричит всем без умóлку,
В том, верно, мало толку;
Кто дéлов¹ истинно, — тих часто на словах.
Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепку думу
Без шуму.

¹ Д é л о в — деловой, трудолюбивый.

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть,— говорит она,— и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь,— цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк все к худу клонит,
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

A.A. 47.

КРЕСТЬЯНИН И РАБОТНИК

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят¹;
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

Старик Крестьянин с Батраком
Шел, под вечер, леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь надел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает
И, где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.

¹ Ценят — здесь: бранят, ругают.

«Степанушка родной, не выдай, милой!» —
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот новый Геркулес¹, со всей собравшись силой,
Что только было в нем,

Отнес полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.

Медведь взревел и замертво упал;

Медведь мой издыхает.

Прошла беда; Крестьянин встал,

И он же Батрака ругает.

Опешил бедный мой Степан.

«Помилуй,— говорит: — за что?» — «За что́, болван!

Чему обрадовался сдуру?

Знай колет: всю испортил шкуру!»

¹ Геркулес — герой сказаний (мифов) Древней Греции, прославившийся своей необычайной силой.

КУКУШКА И ПЕТУХ

«Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!» —

«А ты, Кукушечка, мой свет,

Как тянешь плавно и протяжно:

Во всем лесу у нас такой певицы нет!» —

«Тебя, мой куманек, век слушать я готова». —

«А ты, красавица, божусь,

Лишь только замолчишь, то жду я не дождусь,

Чтоб начала ты снова...

Отколь такой берется голосок?

И чист, и нежен, и высок!..

Да вы уж родом так: собою невелички,

А песни — что твой соловей!» —

«Спасибо, кум; зато, по совести моей,

Поешь ты лучше райской птички.

На всех ссылаюсь в этом я».

Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!

Хоть вы охрипните, хваля друг дружку,—

Все ваша музыка плоха!..»

—

За что же, не боясь греха,

Кукушка хвалит Петуха?

За то, что хвалит он Кукушку.

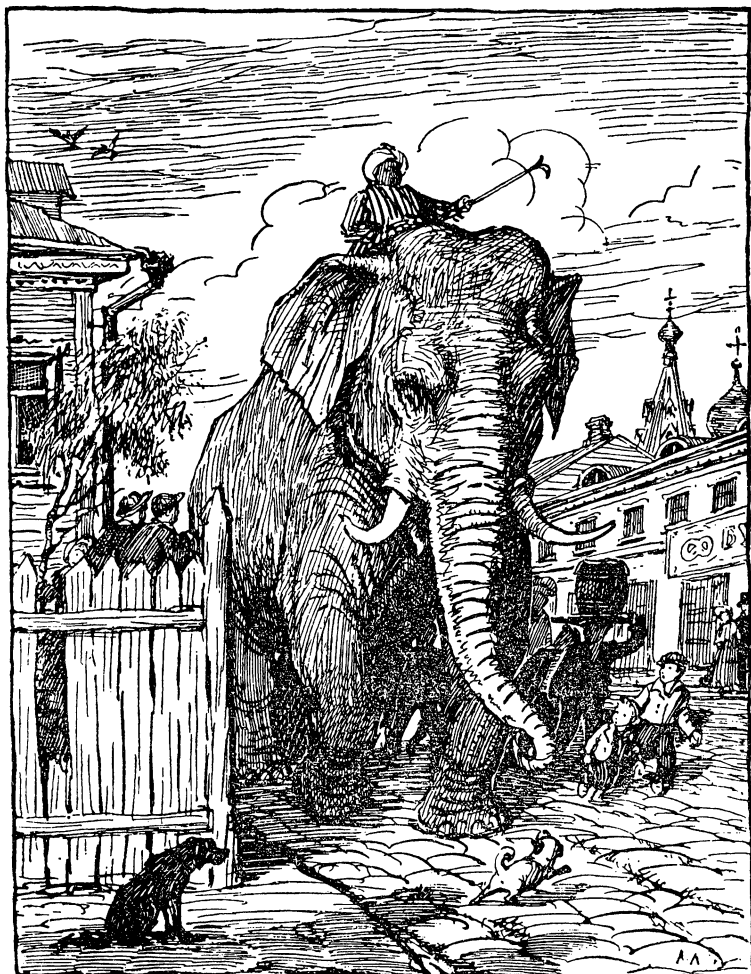

СЛОН И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ —
Известно, что Слоны в диковинку у нас —
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться, —
Ей Шавка говорит, — тебе ль с Слоном возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед
И лаю твоего совсем не примечает». —
«Эх, эх! — ей Моська отвечает. —
Вот то-то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай Моська! знать она сильна,
Что лает на Слона!»

ПУШКИ И ПАРУСА

На корабле у Пушек с Парусами
Восстала страшная вражда.
Вот Пушки, выставясь из портов¹ вон носами,
Роптали так пред небесами:
«О боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться в пользах нам имело дерзновенье?
Чтó делают они во весь наш трудный путь?
Лишь только ветер станет дуть,
Они, надув спесиво грудь,
Как будто важного какого сану,
Несутся гоголем по Океану
И только чванятся; а мы — гроим в боях!
Не нами ль царствует корабль наш на морях?
Не мы ль несем с собой повсюду смерть и страх?
Нет, не хотим жить боле с Парусами;
Со всеми мы без них управимся и сами;

¹ П о р т — здесь: отверстие в борту судна для пушечных стволов.

Лети же, помоги, могущий нам Борей¹,
И изорви в клочки их поскорей!»
Борей послушался — летит,дохнул, и вскоре
Насупилось и почернело море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, как горы;
Гром оглушает слух; слепит блеск молний взоры;
Борей ревет и рвет в лоскутья Паруса.
Не стало их, утихла непогода;
Но что ж? Корабль без Парусов
Игрушкой стал и ветров и валов,
И носится он в море, как колода;
А в первой встрече со врагом,
Который вдоль его всем бортом страшно грянул,
Корабль мой недвижим: стал скоро решетом,
И с Пушками, как ключ, он ко дну канул.

Держава всякая сильна,
Когда устроены в ней все премудро части:
Оружием — врагам она грозна,
А паруса — гражданские в ней власти.

¹ Б о р е й — северо-восточный ветер.

Б У Л А Т

Булатной сабли острый клинок
Заброшен был в железный хлам;
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там.
У мужика затеи не велики:

Он отыскал тотчас в Булате прок.
Мужик мой насадил на клинок черенок
И стал Булатом драть в лесу на лапти лыки,
А дома запросто лучину им щепать;
То ветви у плетня, то сучья обрубать
Или обтесывать тычины к огороду.

Ну так, что не прошло и году,
Как мой Булат в зубцах и в ржавчине кругом,
И дети ездят уж на нем
Верхом.

Вот еж, в избе под лавкой лежа,
Куда и клинок брошен был,

Однажды так Булату говорил:
«Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?»

И если про Булат
Так много громкого неложно говорят,
Не стыдно ли тебе щепать лучину,
Иди обтесывать тычину,
И, наконец, игрушкой быть ребят?» —
«В руках бы воина врагам я был ужасен,—
Булат отвечает,— а здесь мой дар напрасен;
Так, низким лишь трудом я занят здесь в дому:
Но разве я свободен?
Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годен».

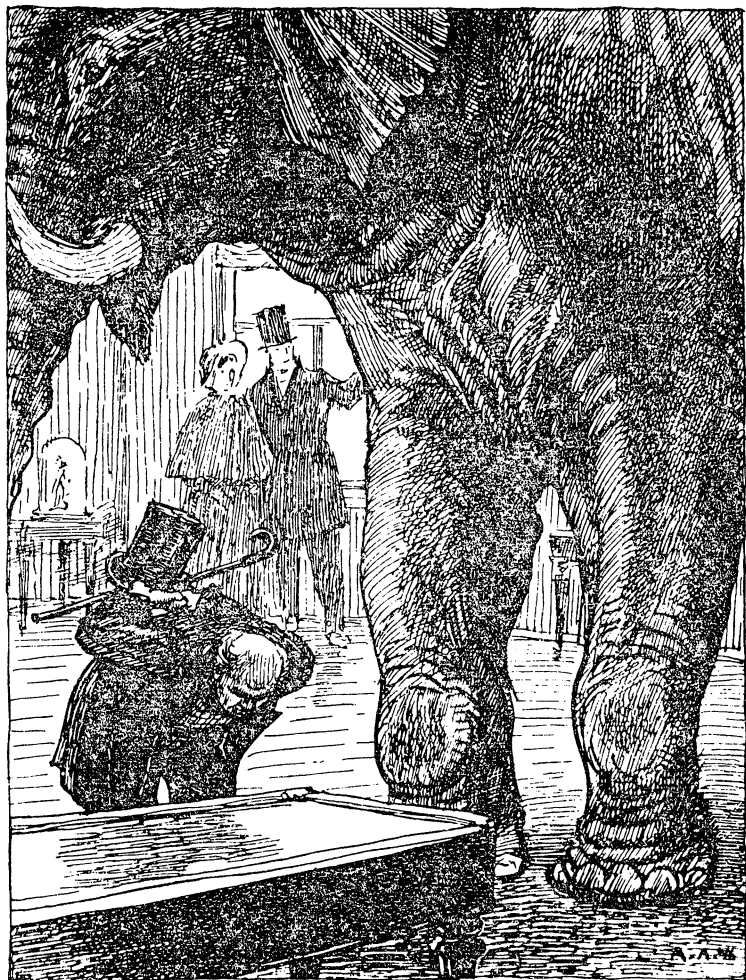

ЛЮБОПЫТНЫИ

«Приятель дорогóй, здоро́во! Где ты был?» —
«В Кунсткамере¹, мой друг! Часа там три ходил;
Все видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни как изумруд, другие как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!» —
«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!
Я чай, подумал ты, что гору встретил?» —
«Да разве там он?» — «Там». — «Ну, братец, виноват:
Слона-то я и не приметил».

¹ К у н с т к á м е р а — старинное название музея, в котором собраны различные редкости и диковинки.

ДЕРЕВО

Увидя, что топор крестьянин нес,
«Голубчик,— Деревцо сказалo молодое,—
Пожалуй, выруби вокруг меня ты лес,
Я не могу расти в покое:
Ни солнца мне не виден свет,
Ни для корней моих простору нет,
Ни ветеркам вокруг меня свободы,
Такие надо мной он сплесть изволил своды!
Когда б не от него расти помеха мне,
Я в год бы сделалось красою сей стране
И тенью бы моей покрылась вся долина:
А ныне тонко я, почти как хворостина».

Взялся крестьянин за топор,
И Дереву, как другу,
Он оказал услугу:
Вкруг Деревца большой очистился простор;
Но торжество его недолго было!

То солнцем Дерево печет,
То градом, то дождем сечет,
И ветром наконец то Деревцо сломило.
«Безумное! — ему сказала тут змея. —
Не от тебя ль беда твоя?
Когда б, укрытое в лесу, ты возрастало,
Тебе б вредить ни зной, ни ветры не могли:
Тебя бы старые деревья берегли;
А если б некогда деревьев тех не стало
И время их бы отошло,
Тогда, в свою чреду, ты стойко б возросло,
Усилилось и укрепилось,
Что нынешней беды с тобой бы не случилось
И бурю, может быть, ты б выдержать могло!»

СЛОН НА ВОЕВОДСТВЕ

Кто знатен и силен,
Да не умен,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однако же в семье не без урода:
Наш Воевода¹
В родню был толст,
Да не в родню был прост;
А с умыслу он мухи не обидит.
Вот добрый Воевода видит:
Вступило от овец прошение в Приказ²:

¹ Воевóда — начальник войск, а также начальник города или округа в старой Руси.

² Прикáз. — В старину приказами назывались правительственные учреждения.

«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас». —

«О, плуты! — Слон кричит: — Какое преступление!

Кто грабить дал вам позволение?»

А волки говорят: «Помилуй, наш отец!

Не ты ль нам к зиме на тулупы

Позволил легонький оброк собрать с овец?

А что они кричат, так овцы глупы:

Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять;

Да и того им жаль отдать». —

«Ну то-то ж, — говорит им Слон: — смотрите!

Неправды я не потерплю ни в ком:

По шкурке, так и быть, возьмите;

А больше их не троньте волоском».

ЛЕВ И КОМАР

Бессильному не смейся
И слабого обидеть не моги!
Мстят сильно иногда бессильные враги:
Так слишком на свою ты силу не надейся!
Послушай басню здесь о том,
Как больно Лев за спесь наказан Комаром.
Вот что о том я слышал стороною:
Сухое к Комару явил презренье Лев;
Зло взяло Комара: обиды не стерпев,
Собрался, поднялся Комар на Льва войною.
Сам ратник¹, сам трубач, пищит во всю гортань
И вызывает Льва на смертоносну брань.
Льву смех, но наш Комар не шутит:
То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он трубит!
И, место высмотрев и время улуча,
Орлом на Льва спустился
И Льву в крестец всем жалом впился.
Лев дрогнул и взмахнул хвостом на трубача.
Увертлив наш Комар, да он же и не трусит!
Льву сел на самый лоб и Львину кровь сосет.

¹ Р а т н и к — воин, военный человек.

Лев голову крутит, Лев гривой трясет;
Но наш Герой свое несет:
То в нос забьется Льву, то в ухо Льва укусит.
Вздурился Лев,
Престрашный поднял рев,
Скрежещет в ярости зубами,
И землю он дерет когтями.
От рыка грозного окружный лес дрожит.
Страх обнял всех зверей; все кроется, бежит:
Отколь у всех взялися ноги,
Как будто бы пришел потоп, или пожар!
И кто ж? — Комар
Наделал столько всем тревоги!
Рвался, метался Лев и, выбившись из сил,
О землю грянулся и миру запросил.
Насытил злость Комар; Льва жалует он миром:
Из Ахиллеса¹ вдруг становится Омиром²
И сам
Летит трубить свою победу по лесам.

¹ А х и л л é с — легендарный герой Древней Греции, храбрый воин.

² О м í р — Гомér, поэт Древней Греции, прославлявший в своих песнях подвиги героев.

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Осел увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище.

Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.

Внимало все тогда
Любимцу и певцу Авроры¹:
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры
И прилегли стада.

¹ Аврора — богиня утренней зари у древних римлян.

Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом,
«Изрядно,— говорит,— сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:
Еще б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

Избави бог и нас от таких судей.

КОТ И ПОВАР

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побегал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил)¹,
А дома стережи съестное от мышей

Кота оставил.

Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,

Припав за укусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.

«Ах ты обжора! ах злодей! —

Тут Ваську Повар укоряет,—
Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька все-таки курчонка убирает.)

Как! быв честным Котом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства кажут,—

Ах ты... ахти, какой позор!

Теперья все соседи скажут:

¹ Тризну правил — справлял поминки по умершему.

«Кот Васька плут! Кот Васька вор!
И Ваську-де не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает да ест.)
Тут ритор¹ мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот Васька все жаркое съел.

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

¹ Р и т о р — оратор, произносящий пышные и красивые речи, но пустые и бесполезные.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только мѹка.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав,— судить не нам;
Да только воз и ныне там.

СКВОРЕЦ

У всякого талант есть свой.
Но часто, на успех прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
В чем он совсем не годен.
А мой совет такой:
Берись за то, к чему ты сроден,
Коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец.

Какой-то смолоду Скворец
Так петь щегленком научился,
Как будто бы щегленком сам родился.
Игривым голоском весь лес он веселил,
И всякий Скворушку хвалил.
Иной бы был такой доволен частью;
Но Скворушка услышь, что хвалят соловья,—
А Скворушка завистлив был, к несчастью,—

И думает: «Постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьиным ладом».
И подлинно запел,
Да только лишь совсем особым складом:
То он пищал, то он хрипел,
То верещал козленком,
То не путем
Мяукал он котенком;
И, словом, разогнал всех птиц своим пеньём.
Мой милый Скворушка, ну что за прибыль в том?
Пой лучше хорошо щегленком,
Чем дурно соловьем.

КВАРТЕТ¹

Проказница Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, басá, альтá², две скрипки
И сели на лужок под липки —
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! — кричит Мартышка. —
Погодите!
Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альтá,
Я, прима, сяду против вторы³;

¹ По свидетельству современников, Крылов высмеивает в басне государственный совет, действовавший с 1 января 1810 года. Косолапый Мишка — граф Аракчеев, главный проводник реакционной политики Александра I.

² Альт и бас — музыкальные струнные инструменты.

³ Прима — первая скрипка в оркестре, втора — вторая скрипка.

Тогда пойдет уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он все-таки на лад нейдет.
«Постойте ж, я сыскал секрет! —
Кричит Осел.— Мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».

Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А все-таки Квартет нейдет на лад.
Вот пуще прежнего пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.

Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье:
«Пожалуй,— говорят,— возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привести:
И ноты есть у нас, и инструменты есть,
Скажи лишь, как нам сесть!» —
«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней,—
Им отвечает Соловей,—
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

ОБОЗ¹

С горшками шел обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в гору
Или в ночную пору,—
А то и под гору, и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!

¹ Басня написана во время войны 1812 года. Конь добрый — главнокомандующий русской армией М. И. Кутузов. Сберегая силы для решительного боя, Кутузов вел войну осторожно, отступал, заманивая врага в глубь страны, и наконец разбил и уничтожил армию Наполеона. Лошадь молодая — царь Александр I и его окружение, которые не понимали планов Кутузова и были недовольны его медлительностью.

Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронúлася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырех ног
На славу;
По камням, рывтинам, пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

ГУСИ

Предлинной хворостиной
Мужик Гусей гнал в город продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вежливо честил свой гурт гусиный:
На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснется,
Не только там гусям, и людям достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе об этом толковали
И, встретясь с прохожим на пути,
Вот как на мужика пеняли:
«Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
Мужик так нами помыкает
И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
А этого не смыслит неуч сей,
Что он обязан нам почтеньем;
Что мы свой знатный род ведем от тех Гусей,
Которым некогда был должен Рим спасеньем¹:

¹ «Которым некогда был должен Рим спасеньем». — Существует легенда о том, что очень давно на Древний Рим напали враги. Ночью они тайно окружили город. Гуси услышали приближение врага и своим криком предупредили об опасности.

Там даже праздники им в честь учреждены!» —

«А вы хотите быть за что отличены?» —

Спросил прохожий их. «Да наши предки...» —

«Знаю

И все читал; но ведать я желаю,

Вы сколько пользы принесли?» —

«Да наши предки Рим спасли!» —

«Все так, да вы что сделали такое?» —

«Мы? Ничего!» — «Так что ж и доброго в вас есть?

Оставьте предков вы в покое:

Им поделом была и честь;

А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

Баснь эту можно бы и боле пояснить —

Да чтоб гусей не раздражить.

МЫШЬ И КРЫСА

«Соседка, слышала ль ты добрую молву? —
Вбежавши, Крысе Мышь сказала, —
Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?
Вот отдохнуть и нам пора настала!» —

«Не радуйся, мой свет, —
Ей Крыса говорит в ответ, —
И не надейся по-пустому!
Коль до когтей у них дойдет,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

МУРАВЕЙ

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верной)
Мог поднимать больших ячменных два зерна!
Притом и в храбрости за чудо почитался:

Где б ни завидел червяка,
Тотчас в него впивался,
И даже хаживал один на паука.
А тем вошел в такую славу
Он в муравейнике своем,
Что только и речей там было, что о нем.
Я лишние хвалы считаю за отраву;
Но этот Муравей был не такого нраву:

Он их любил,
Своим их чванством мерил
И всем им верил;
А ими наконец так голову набил,
Что вздумал в город показаться,
Чтоб силой там повеличаться.
На самый крупный с сеном воз
Он к мужику спесиво всполз
И въехал в город очень пышно.

Но, ах, какой для гордости удар!
Он думал, на него сбежится весь базар,
Как на пожар;
А про него совсем не слышно:
У всякого забота там своя.
Мой Муравей то, взяв листок, потянет,
То припадет он, то привстанет —
Никто не видит Муравья.
Уставши наконец тянуться, выправляться,
С досадою Барбосу он сказал,
Который у воза хозяйского лежал:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что в городе у вас
Народ без толку и без глаз?
Возможно ль, что меня никто не примечает,
Как ни тянусь я целый час;
А кажется, у нас
Меня весь муравейник знает».
И со стыдом отправился домой.

Так думает иной
Затейник,
Что он в подсолнечной¹ гремит,
А он — дивит
Свой только муравейник.

¹ Подсолнечная — то, что находится под светом солнца, то есть земля, мир.

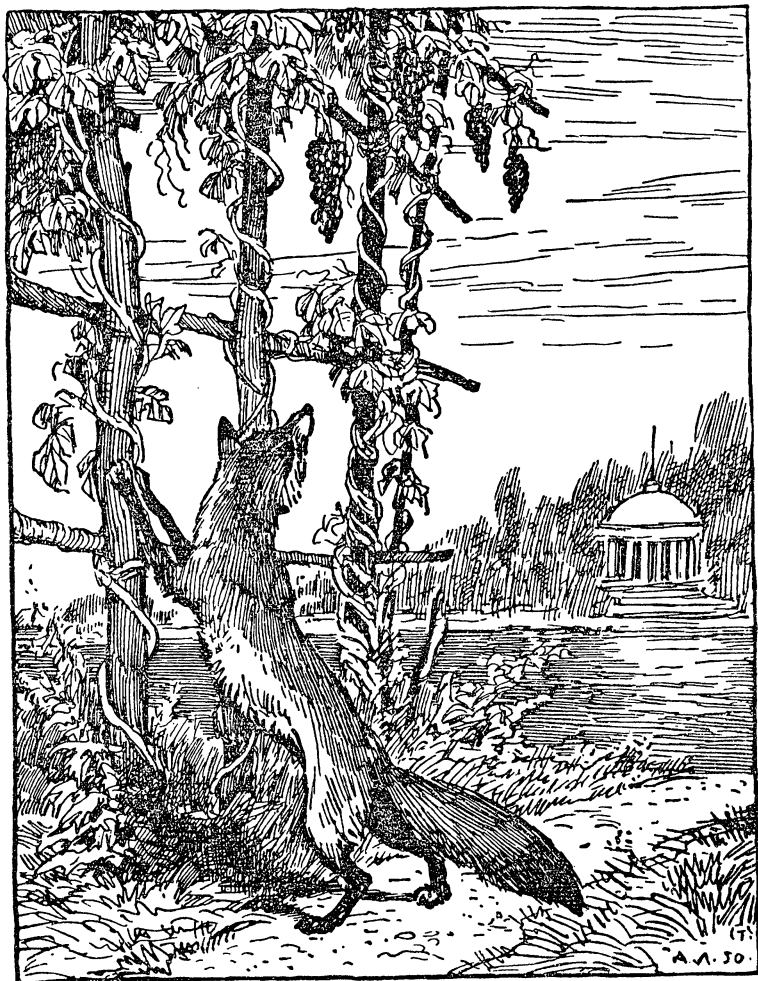

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись;
А кисти сочные, как яхонты, горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,
Да зуб неймет.
Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь».

РЫБЬЯ ПЛЯСКА

От жалоб на судей
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.
Он идет, а Мужик, расклавши огонек,
Наудя рыб, изжарить их сбирался.
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкий свой конец, метался,
На Мужика разинув зев.
«Кто ты? что делаешь?» — спросил сердито Лев.
«Всесильный царь! — сказал Мужик, оторопев. —
Я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здесь тебя с твоим приходом». —
«Ну, как они живут? Богат ли здешний край?» —
«Великий государь! Здесь не житье им — рай.
Богам о том мы только и молились,
Чтоб дни твои бесценные продлились».

(А рыбы между тем на сковородке бились.) —
«Да отчего же,— Лев спросил,— скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?» —
«О мудрый царь! — Мужик отвечивал,— оне
От радости, тебя увидя, пляшут».
Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
За то на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут Журавль случился.
Вот кой-как знаками стал Волк его манить
И просит горю пособить.
Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею
Кость вытащил и стал за труд просить.
«Ты шутишь! — зверь вскричал коварный. —
Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся».

КОШКА И СОЛОВЕЙ

Поймала Кошка Соловья,
В бедняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя везде за песни славят
И с лучшими певцами рядом ставят.
Мне говорит лиса-кума,
Что голос у тебя так звонок и чудесен,
Что от твоих прелестных песен
Все пастухи, пастушки — без ума.
Хотела б очень я сама
Тебя послушать.
Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям;
Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать.
Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам
И отпущу гулять по рощам и лесам.
В любви я к музыке тебе не уступаю,
И часто, про себя мурлыча, засыпаю».
Меж тем мой бедный Соловей
Едва-едва дышал в когтях у ней.

«Ну, что же? — продолжает Кошка: —
Пропой, дружок, хотя немножко».
Но наш певец не пел, а только что пищал.
«Так этим-то леса ты восхищал! —
С насмешкою она спросила: —
Где ж эта чистота и сила,
О коих все без умолку твердят?
Мне скучен писк такой и от моих котят.
Нет, вижу, что в пеньё ты вовсе не искусен.
Всё без начала, без конца.
Посмотрим, на зубах каков-то будешь вкусен!»
И съела бедного певца —
До крошки.

Сказать ли на ушко яснее мысль мою?
Худые песни Соловью
В когтях у Кошки.

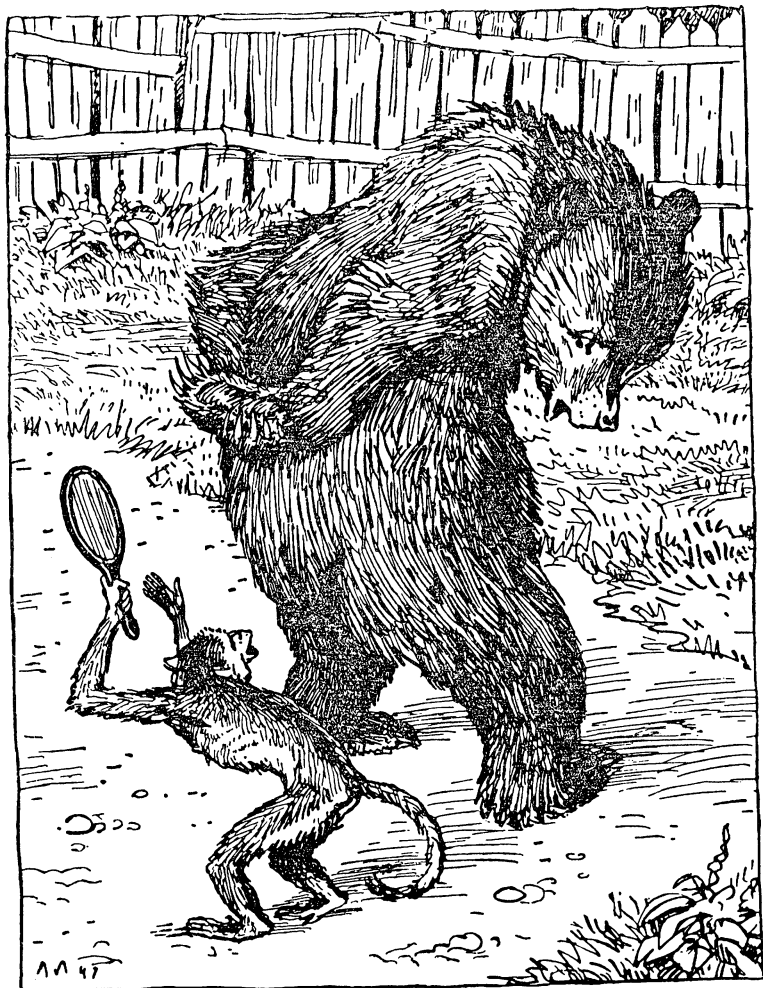

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в Зеркало увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка,— говорит,— кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть». —
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» —
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

ЛИСИЦА И СУРОК

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?» —
Лисицу спрашивал Сурок.

«Ох, мой голубчик-куманек!

Терплю напраслину и выслана за взятки.

Ты знаешь, я была в курятнике судьей,

Утратила в делах здоровье и покой,

В трудах куска недоедала,

Ночей недосыпала:

И я ж за то под гнев подпала;

А все по клеветам. Ну, сам подумай ты:

Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?

Мне взятки брать? да разве я взбешуся!

Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,

Чтоб этому была причастна я греху?

Подумай, вспомни хорошенько».—

«Нет, кумушка; а видывал частенько,

Что рыльце у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:

И подлинно, весь город знает,

Что у него ни за собой,

Ни за женой;

А смотришь, помаленьку,
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь;
Но как не согресишь, не скажешь:
Что у него пушок на рыльце есть.

ДВЕ СОБАКИ

Дворовый верный пес
Барбос,
Который барскую усердно службу нес,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ластяся, как будто бы к родне,
Он с умиления чуть не плачет
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.
«Ну что, Жужутка, как живешь,
С тех пор как господа тебя в хоромы взяли?
Ведь помнишь: на дворе мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?» —
«На счастье грех роптать, — Жужутка отвечает, —
Мой господин во мне души не чает;
Живу в довольстве и добре,
И ем, и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.

Ты как живешь?» — «Я,— отвечал Барбос,
Хвост плетью опустя и свой повеся нос,—
Живу по-прежнему: терплю и холод,
И голод

И, сберегаючи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну под дождем;
А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.

Да чем же ты, Жужу, в случай попал¹,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» — «Чем служишь! Вот пре-
красно! —

С насмешкой отвечал Жужу.—
На задних лапках я хожу».

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

¹ «В с л у ч а й п о п а л». — В старину так говорили о человеке, неожиданно заслужившем особую милость царя или знатного человека.

ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай». —
«Соседушка, я сыт по горло». — «Нúжды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сваренá!» —
«Я три тарелки съел». — «И полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты, —
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарем подернулась она.
Потешь же, миленький дружочек!
Вот лещик, потроха, вот стреляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку,
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.

Однако же еще тарелку он берет:

Сбирается с последней силой,
И — очищает всю. «Вот друга я люблю! —
Вскричал Демьян: — зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!»

Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать во время не умеешь

И ближнего ушей ты не жалеешь:
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами¹ шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нем без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красотой своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаетесь с нами». —
«Примолвить² можно бы спасибо тут и нам», —
Им голос отвечал из-под земли смиренно.

¹ Зе ф и р — легкий, теплый ветер.

² П р и м о л в и т ь — сказать, прибавить к тому, что уже сказано.

«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!

Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» —
Листы, по дереву шумя, залепетали.

«Мы те,—

Им снизу отвечали,—
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветете.

Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится,
Не станет дерева, ни вас».

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Увидя, что мужик, трудясь над дугами,
Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),
Медведь задумал жить такими же трудами.
Пошел по лесу треск и стук,
И слышно за версту проказу.
Орешника, березника и вязу
Мой Мишка погубил несметное число,
А не дается ремесло.
Вот идет к мужику он попросить совета
И говорит: «Сосед, что за причина эта?
Деревья-таки я ломать могу,
А не согнул ни одного в дугу.
Скажи, в чем есть тут главное уменье?» —
«В том, — отвечал сосед, —
Чего в тебе, кум, вовсе нет:
В терпенье».

ОРЕЛ И ПЧЕЛА

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
Ему и то уж силы придает,
Что подвигов его свидетель целый свет.
Но сколь и тот почтен, кто, 'в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживлен одной:
Что к пользе общей он трудится.

Увидя, как Пчела хлопочет вокруг цветка,
Сказал Орел однажды ей с презреньем:
«Как ты, бедняжка, мне жалка,
Со всей твоей работой и с уменьем!
Вас в улье тысячи все лето лепят сот:
Да кто же после разберет
И отличит твои работы?
Я, право, не пойму охоты:
Трудиться целый век и что ж иметь в виду?..
Безвестной умереть со всеми рядом!»

Какая разница меж нами!
Когда, расширися шумящими крылами,
Ношуся я под облаками,
То всюду рассеваю страх.
Не смеют от земли пернатые подняться,
Не дремлют пастухи при тучных их стадах;
Ни лани быстрые не смеют на полях,
Меня завидя, показаться».
Пчела ответствует: «Тебе хвала и честь!
Да прódлит над тобой Зевес¹ свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утешаюсь тем, на наши смóтря соты,
Что в них и моего хоть капля меду есть».

¹ Зевéс, или Зевс,— по верованиям древних греков, бог неба и повелитель всех других богов.

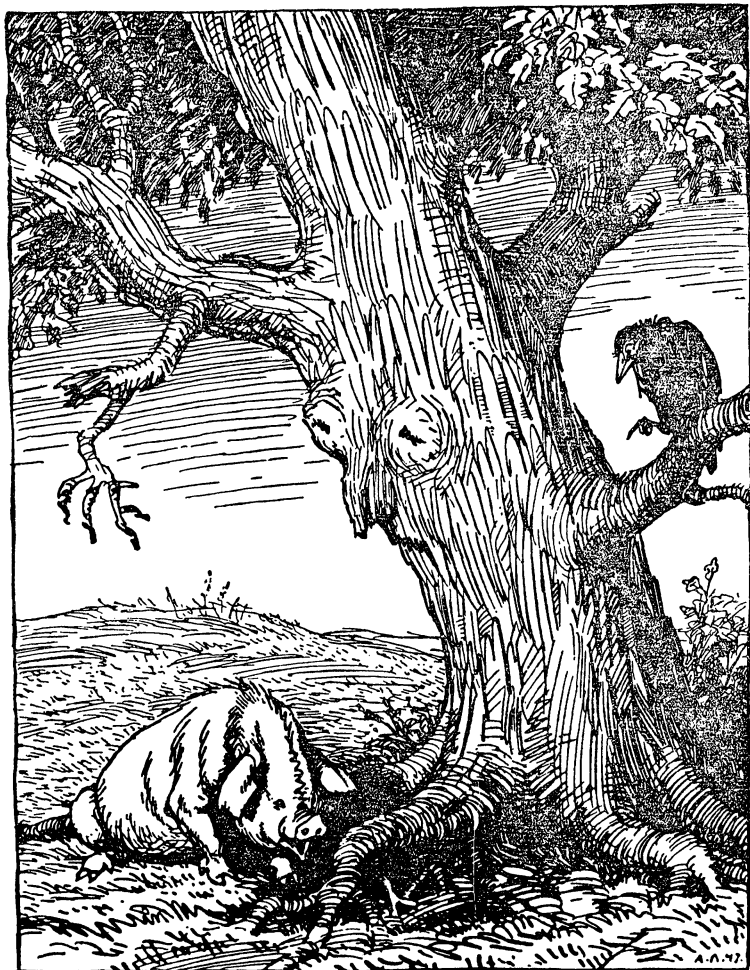

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит,—
Ей с Дубу Вóрон говорит,—
Коль корни обнажить, оно засохнуть может».—
«Пусть сохнет,— говорит Свинья,—
Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
Лишь были б желуди: ведь я от них жирею».—
«Неблагодарная! — примолвил Дуб ей тут,—
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут».

Невежда также в ослепленье
Бранит науки и ученье
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

СОДЕРЖАНИЕ

ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ	ЛЮБОПЫТНЫЙ	56
ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫ-	ДЕРЕВО	58
ЛОВ И ЕГО БАСНИ	СЛОН НА ВОЕВОДСТВЕ	60
ВОРОНА И ЛИСИЦА	ЛЕВ И КОМАР	62
ЛАРЧИК	ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ	65
ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ	КОТ И ПОВАР	68
ЗЕРНО	ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК	70
ВОЛК И ЯГНЕНОК	СКВОРЕЦ	72
ЛЯГУШКА И ВОЛ	КВАРТЕТ	74
БЕЛКА	ОВОЗ	77
СОБАЧЬЯ ДРУЖБА	ГУСИ	80
ЛЕВ НА ЛОВЛЕ	МЫШЬ И КРЫСА	82
ВОЛК НА ПСАРНЕ	МУРАВЕИ	84
КАМЕНЬ И ЧЕРВЯК	ЛИСИЦА И ВИНОГРАД	86
СТРЕКОЗА И МУРАВЕИ	РЫБЬЯ ПЛЯСКА	88
ЛЖЕЦ	ВОЛК И ЖУРАВЛЬ	90
ЩУКА И КОТ	КОШКА И СОЛОВЕЙ	92
СИНИЦА	ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА	94
ДВЕ БОЧКИ	ЛИСИЦА И СУРОК	96
МАРТЫШКА И ОЧКИ	ДВЕ СОБАКИ	98
КРЕСТЬЯНИН И РАБОТ-	ДЕМЬЯНОВА УХА	101
НИК	ЛИСТЫ И КОРНИ	104
КУКУШКА И ПЕТУХ	ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕД-	
СЛОН И МОСЬКА	ВЕДЬ	106
ПУШКИ И ПАРУСА	ОРЕЛ И ПЧЕЛА	108
БУЛАТ	СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ	110

Литературно-художественное издание

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

КРЫЛОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ

БАСНИ

Ответственный редактор *Г. И. Гусева*
Художественный редактор *В. А. Горячева*
Технический редактор *Л. С. Стёпина*
Корректор *К. И. Каревская*

ИБ № 11310

Сдано в набор 23.01.89. Подписано к печати 17.05.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. кн.-журн. № 2. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,88. Усл. кр.-отт. 6,3. Уч.-изд. л. 3,61. Тираж 300 000 экз. Заказ № 1377. Цена 45 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Суэцкий вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Басни И. А. Крылова — «книга мудрости самого народа».

«Это наша крепкая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек...»; «всюду у него Русь и пахнет Русью».

Н. В. Гоголь

